

О мать моя, *подвигнут* я тобою!

Во мне *спасла живую душу* ты!..

(Т. 4. С. 259)

* * *

Подведем итоги предпринятым рассуждениям. Какое место занимает в творчестве Некрасова и что может означать собою то самое не до конца «отделанное» стихотворение 1856 года, с которого мы начали свои заметки?⁵³ Судя по предпринятому исследованию, очень многое. Выяснилось, что и сам факт появления подобного текста под пером поэта отнюдь не исключителен, и содержание его совсем не «странно». Наоборот, оказалось, что это стихотворение тысячами закономерных нитей связано и с биографией Некрасова как человека, и с поэтикой его творчества, и со структурой художественного мирозерцания поэта.

Во-первых, именно постановка вопроса о месте проблемы «пошлости и рутины» в творчестве поэта позволила нам осознать Некрасова не только в качестве выдающегося общественного деятеля, крупнейшего организатора отечественной словесности, могучего поэтического дарования социально-публицистической, пропагандистской и, одновременно, социально-гуманистической, демократической направленности, но и как самобытную человеческую личность со своеобразными морально-этическими представлениями, с конкретной психологической и ценностной проблематикой самосознания, с характерной динамикой его внутреннего развития. Мы смогли оценить глубоко пережитый Некрасовым ценностный надлом, многое мотивировавший в его личностном и художественном развитии, и, соответственно, пути изживания этого надлома в продолжение всей творческой жизни поэта.

Благодаря предложенному ракурсу рассмотрения нам приоткрылась духовная природа как *внешнего*, так и *внутреннего* самоосуществления художника. Мы выявили и подвергли анализу одно из самых фундаментальных для мирозерцания поэта противоречий, позволяющих осмыслить *амбивалентный* характер его отношения к поставленной проблеме «пошлости и рутины», а именно — антиномическое противостояние в его ценностной системе *двух* не могущих отменить друг друга «правд»: «правды» физического существования, полноты жизни и «правды» необходимости ценностного, духовного оправдания человеческого существования, его бытия. Мы смогли уточнить и дифференцировать представления поэта о сфере проявления *идеала*, разведя резко критически оцениваемые им романтическое мечтательство, отвлеченное прожектерство, спекулятивность в мышлении и отстаиваемые им духовные ценности, нравственные принципы, целеполагающие убеждения.

Во-вторых, проблема «пошлости и рутины» в ее амбивалентных проявлениях позволила взглянуть на инновационный характер поэтических форм Некрасова, быть может, с неожиданной точки зрения. Оказалось, что генезис некрасовской сатиры, его лиро-эпических форм, ролевых исканий в поэзии, лирического многоголосия и даже авторефлексивных приемов восходит к последовательной реабилитации поэтом типов «иного», не авторского («судящего», «обнимающего», «завершающего») сознания человека массы, рутинного порядка вещей, «негативной» или «сомнительной» типологии,

⁵³ См.: Русская литература. 2006. № 4.